

М.В. Ковалев

**ПРОФЕССОР Д.Д. ГРИММ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС
В МЕЖВОЕННОЙ ЭСТОНИИ***

Аннотация. В статье анализируется участие профессора Тартуского университета Давида Давидовича Гримма (1864–1941) в конституционном процессе межвоенной Эстонии. На основе периодической печати и архивных документов раскрываются его правовые и общественно-политические взгляды. В статье анализируются личные и деловые связи профессора с эстонскими правоведами и политиками (К. Пятс, Ю. Улуотс, А. Пийп и др.).

Особое внимание уделено критике Д.Д. Гриммом проекта конституции, вынесенного на референдум 1934 г. Союзом участников Освободительной войны. В ряде статей и выступлений профессор подверг проект жесткой критике. Его пугала декларируемая концентрация власти в руках одного человека – главы государства – и снижение роли парламента. Ряд эстонских общественных деятелей поддержал позицию Д.Д. Гримма, однако проект новой конституции все равно был принят.

Участие Д.Д. Гримма в конституционном процессе продолжилось уже после государственного переворота в марте 1934 г., осуществленного К. Пятсом. Осенью 1935 г. министр юстиции обратился к Д.Д. Гримму с предложением принять участие в разработке проекта нового основного закона страны. Одной из основ конституционной реформы стало создание двухпалатного парламента – Национального собрания (Rahvuskogu). 26 января 1937 г. Д.Д. Гримм был назначен одним из членов верхней палаты парламента как представитель русского национального меньшинства. Он полагал, что эстонские власти учли его опыт работы в Государственном совете Российской империи.

Критика конституционного проекта 1934 г. во многом обусловлена негативным отношением Д.Д. Гримма к идейным установкам Союза участников Освободительной войны, поскольку он не разделял правого радикализма. Опасность их прихода к власти заставляла его, равно как и многих эстонских интеллектуалов и политиков, делать выбор в пользу «сильной руки», способной противостоять угрозам правых и левых.

* Статья подготовлена за счет средств гранта РФФИ № 18-78-00102 «Российское интеллектуальное присутствие в Восточной Европе в исторической ретроспективе “короткого XX века” (1914–1991)». Автор выражает искреннюю благодарность Татьяне Кузьминичне Шор (Национальный архив в Тарту) за помощь в подготовке данной статьи.

Ключевые слова: Д.Д. Гримм; Эстония; русская эмиграция; русское национальное меньшинство; конституционный процесс; конституционное право; К. Пятс.

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук,
доцент; старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН;
Архив РАН, Москва. E-mail: kovalevmv@yandex.ru

M.V. Kovalev. Professor D.D. Grimm and the Constitutional Process in Interwar Estonia

Abstract. *The article describes the participation of David Davidovich Grimm (1864–1941), a professor in the University of Tartu, in the constitutional process in interwar Estonia. Drawing on periodicals and archival documents, the author analyzes Grimm’s judicial and socio-political views as well as his personal and professional relations with Estonian lawyers and politicians (K. Päts, J. Uluots, A. Piip, etc.). Special attention is paid to Grimm’s criticism of the draft Constitution submitted to the referendum by the Union of participants of the Liberation war in 1934. In a number of articles and public addresses, the professor voiced his harsh criticism against it, being wary of the proclaimed concentration of power in the hands of one person, i.e. the head of state, and the decline in the role of Parliament. A number of Estonian public figures supported the position of D.D. Grimm, but the draft of the new Constitution was, nevertheless, endorsed through referendum.*

The participation of D.D. Grimm in the constitutional process continued after the coup d’état carried out by K. Päts in March 1934. In the fall of 1935, the Minister of Justice addressed D.D. Grimm with a proposal to take part in drafting the new Fundamental Law of the country, which was to create a bicameral parliament – the National Assembly (Rahvuskogu). In January 26, 1937 D.D. Grimm was appointed, as a representative of the Russian minority, a member of the upper house of Parliament, this being in recognition of his experience in the State Council of the Russian Empire.

Grimm’s critical stand on the constitutional draft of 1934 largely stemmed from his aversion to the ideological principles of the Union of participants of the Liberation war, for he never shared their right-wing radicalism. The danger of their coming to power compelled him, along with many other Estonian intellectuals and politicians, to opt for a «strong hand» able to confront the threats coming from both the right and left.

Keywords: *D.D. Grimm; Estonia; Russian emigration; Russian ethnic minority; constitutional process; constitutional law, K. Päts.*

Kovalev Mikhail Vladimirovich – Candidate of History,
Associate Professor; Senior Researcher, Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences; Archive of the Russian Academy
of Sciences, Moscow. E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Биография профессора Давида Давидовича Гримма (1864–1941), видного ученого и общественного деятеля, привлекает сегодня все большее внимание отечественных исследователей [Ковалев, Мирзеханов 2016, с. 19–33; Николаев

2015, с. 142–147; Томсинов 2007, с. 222–252]. Этому обстоятельству во многом способствовало издание его ранее неизвестных мемуаров [Гримм 2017; Шор, Ковалев, Воронежцев 2015, с. 72–92], проливающих свет на важные события общественно-политической жизни предреволюционной России. Не меньший интерес к биографии ученого проявляется в Эстонии, с которой профессор был прочно связан родовыми корнями. Его мать Эмилия-Елена (1839–1896) происходила из семьи прибалтийских немцев Мейковых. Его дядя, Оттомар Фридрихович Мейков (1823–1894), дважды был ректором Дерптского университета. Именно в этом учебном заведении начнется научно-педагогическая деятельность Д.Д. Гримма, когда в 1889 г. его изберут приват-доцентом по кафедре римского права. Затем будет работа в Петербурге, широкое признание в научных кругах, заведование кафедрой, ректорство и, что не менее важно, активная общественная деятельность. Д.Д. Гримм состоял членом Государственного совета Российской империи, будучи избранным по квоте от Академии наук и университетов. Он решительно противостоял попыткам ограничения академических свобод и запомнился как неутомимый борец с одиозным министром народного просвещения Львом Аристидовичем Кассо (1865–1914) [Ковалев 2015, с. 73–109; Ковалев 2016, с. 174–183]. После Февральской революции Д.Д. Гримм некоторое время участвовал в деятельности Временного правительства, сначала в должности комиссара, затем – товарища министра народного просвещения. Неприятие большевистского переворота и пережитый временный арест предопределили эмиграцию профессора из России в феврале 1920 г.

За границей он продолжил заниматься научно-педагогической работой. В 1920-х годах Д.Д. Гримм был одной из самых заметных фигур «русской Праги», преподавал на Русском юридическом факультете, сотрудничал с Русским институтом, работал в составе Русской академической группы. Однако постепенное свертывание поддержки эмиграции со стороны чехословацкого правительства, соединившиеся с иными трудностями, заставило профессора искать новое место работы. Так судьба вновь свела его с Эстонией.

Еще в июле 1920 г. Д.Д. Гримму, находившемуся в тот момент в Хельсинки, было доставлено письмо, извещавшее об избрании его профессором Тартуского университета [Письмо ректора, л. 4]. Новость оказалась совершенно неожиданной. В тот момент он еще надеялся на свержение большевиков и принимал активное участие в общественной деятельности. Поэтому от любезного приглашения пришлось отказаться [Письмо Д.Д. Гримма в правление, л. 6]. Семь лет спустя он вернулся к эстонскому варианту. В начале 1927 г. Д.Д. Гримм согласился занять вакантную кафедру римского права на юридическом факультете Тартуского университета. «...Я с благодарностью принимаю избрание меня ординарным профессором на вакантную кафедру системы римского права в Дерптском университете», – писал он в Эстонию

29 января 1927 г. [Письмо Д.Д. Гримма декану, l. 12]. 15 марта 1927 г. Совет университета избрал Д.Д. Гримма ординарным профессором, а 28 марта министр просвещения утвердил его в должности с разрешением в течение пяти лет вести занятия на немецком и русском языках, поскольку профессор совершенно не владел эстонским [Копия письма ректора, l. 19 p.]. В начале сентября 1927 г. Д.Д. Гримм вместе с семьей прибыл в Тарту. Новая среда тепло приняла ученого. Он начал читать лекции по римскому договорному праву и вести практические занятия по системе римского права. Факты свидетельствуют о том, что в Эстонии Д.Д. Гримм пользовался большим авторитетом, он стал одной из ключевых фигур в истории русского интеллектуального присутствия в этой прибалтийской стране.

Д.Д. Гримм был в числе тех иностранных специалистов, которые оказали серьезное воздействие на развитие правовой науки в межвоенной Эстонии. Назовем имена русского цивилиста Игоря Матвеевича Тютрюмова (1855–1943) и Эдуарда Николаевича Берендтса (1860–1930), занимавшегося финансовым правом, шведского криминалиста Андреаса Бьерре (Andreas Bjerre; 1879–1925), венгра Иштвана Чекеи (István Csekey; 1889–1963), специализировавшегося в административном праве [Шор 2000, с. 185–186; Järvelaid 2015]. Но именно Д.Д. Гримму предстояло принять активное участие в политической жизни страны. Если о научной деятельности профессора в годы эмиграции известно немало, то политическая сторона его биографии никогда прежде не освещалась. Еще в 1930-е годы его младший коллега Эрнст Эйн (Ernst Ein; 1898–1956) констатировал, что хотя Д.Д. Гримм известен как представитель академической науки, он является еще и «государственным человеком» [Ein 1934, lk. 283].

Участие в политической жизни Эстонии было невозможно без наличия гражданства. Д.Д. Гримм не принадлежал к русскому национальному меньшинству республики, потому на автоматическое получение нового паспорта рассчитывать не мог. Он, как и подавляющее большинство лиц, покинувших Россию после революции, долгое время пребывал в статусе апатрида. Юридически положение беженца подтверждалось так называемым Нансеновским паспортом. По мере таяния надежд на возвращение в Россию вопрос о принятии нового подданства вставал все более остро. От него напрямую зависела социализация в новой среде и особенно трудоустройство. Многие страны твердо защищали национальный трудовой рынок, не допуская на него иностранцев. Потому выбор Д.Д. Гримма в пользу эстонского паспорта выглядит вполне закономерным и оправданным. В феврале 1931 г. он обратился к министру юстиции и внутренних дел страны с просьбой о принятии в эстонское подданство на основании § 9 «Закона о гражданстве» 1922 г. Поручителями русского профессора, согласно установленным правилам, готовы были выступить видные тартуские ученые: декан юридического факультета уни-

верситета, профессор Юри Улуотс (Jüri Uluots; 1890–1945), профессор международного права Антс Пийп (Ants Piip; 1884–1942), профессор уголовного права Карл Саарманн (Karl Saarmann; 1893–1948) [Härrale Kohtu, l. 1.]. Уже в конце марта ходатайство было удовлетворено [Kohtu, l. 10]. Все трое знали о Д.Д. Гримме еще с дореволюционных времен, так как обучались на юридическом факультете Петербургского университета. А. Пийп важен также как одна из ключевых фигур в становлении эстонской государственности. Он присутствовал на Парижской мирной конференции, вел переговоры с большевиками и был в числе членов миссии, подписавших Тартуский мирный договор 2 февраля 1920 г. С октября по декабрь 1920 г. А. Пийп был главой правительства республики, а с 20 декабря 1920 г. по 25 января 1921 г. – государственным старейшиной (tiigivanem). Это не простое совпадение, а отражение действительности того времени – многие представители эстонской интеллигенции, особенно те, кто составили основу правящей верхушки, были воспитанниками Санкт-Петербургского университета. Таким образом, Д.Д. Гримм имел прямые контакты не только с научными, но и с политическими кругами республики. На это обратил внимание еще Э. Эйн, подметивший в юбилейной статье, что в петербургский период Д.Д. Гримм был тесно связан с эстонскими юристами [Ein 1934, l. 283]. Он пользовался большим авторитетом и известностью. Поэтому 70-летие профессора в 1934 г. широко отмечалось в интеллектуальных кругах. На годовом общем собрании Академического союза юристов под руководством профессора А. Пийпа было устроено чествование Д.Д. Гримма [Leps 2008, lk. 32; Juristid austasid, lk. 5].

Начало работы профессора в Тарту пришлось на разгар мирового экономического кризиса, который затронул и Эстонию. О его последствиях для страны Д.Д. Гримм сообщал в Прагу в июле 1932 г. своему коллеге Петру Александровичу Остроухову (1885–1965): «Здесь тоже идут сокращения. Уже сократили нас с января т[екущего] г[ода] на 15%, и теперь, по-видимому, предстоят новые сокращения. <...> Вообще, вся Европа живет сейчас без завтрашнего дня, как мы, грешные, с [19]17-го года» [Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову, л. 2 об.]. Социально-экономические проблемы напрямую отразились на политическом процессе. На волне разочарования действиями властей возникло острое разочарование в демократических институтах. В свою очередь им популярность набирали правые радикалы, которые выступали поборниками сильной власти. Текущее положение они напрямую связывали с неэффективной работой существующих политических институтов и предлагали их полное переформатирование. Развернулась борьба во круг внесения изменений в конституцию.

Здесь нужно сделать небольшой историко-правовой экскурс. Первая эстонская Конституция была принята 15 июня 1920 г. и вступила в силу 21 декабря того же года. Ее главной особенностью было закрепление за страной

статуса демократической республики, где носителем высшей власти провозглашался народ. Законодательная власть принадлежала однопалатному парламенту – Рийгикогу (Riigikogu), в котором заседали 100 депутатов. Помимо собственно законотворческой работы, они утверждали на должности судей, контролировали работу правительства. Таким образом, парламенту принадлежал реальный контроль над всеми ветвями власти. Его роспуск был возможен только в результате всенародного референдума. Института президентства Конституция 1920 г. не создавала, его функции отдавались главе правительства – государственному старейшине (riigivanem). Он, согласно § 61, «представлял Эстонскую Республику, направлял и объединял деятельность правительства, руководил заседаниями правительства и мог запрашивать отдельных министров относительно их деятельности» [Основной закон Эстонской Республики (принят 15 июня и обнародован 9 августа 1920 г.), с. 115]. Отличительной чертой Основного закона были обширные практики прямого народовластия. Так, он закреплял право на референдумы (§ 29). Эстонская конституция отражала в себе широкие демократические идеи, в ту пору еще совсем нераспространенные в европейском законодательстве. Но на практике сложившаяся политическая система отличалась нестабильностью. В условиях разнородности политических сил привычным явлением стала правительственная чехарда. В период с 1920 по 1934 гг. в Эстонии сменилось 23 правительства. Многопартийная система оказалась крайне фрагментированной, в ней долгое время не было ни одной доминирующей силы [Валге 2013, с. 92–114; Самохина 2013, с. 292]. На рубеже 1920–1930-х годов страна все более погружалась в пучину политического кризиса.

Самым влиятельным из правых течений был Союз участников Освободительной войны (Eesti Vabadussõjalaste Keskkliit), стремительно превратившийся в одну из важнейших политических сил страны. Первоначально его членами, именуемыми вапсами (vapsid), были ветераны боевых действий, но по мере расширения влияния Союза в его ряды стали принимать широкие круги сочувствующих. Развитие и деятельность Союза направляли бывшие военные. В 1930 г. его главой стал отставной генерал-майор Андрес Ларка (Andres Larca; 1879–1942), а его заместителем, и едва ли не самой влиятельной фигурой, младший лейтенант Артур Сирк (Artur Johannes Sirk; 1900–1937). Союз не имел представительства в Рийгикогу, а потому прибегал к внепарламентским методам борьбы, ловко играя на общественных настроениях. В то время как авторитет центральной власти падал, влияние вапсов росло. Показателем недоверия к правящей верхушке является двукратный провал на референдумах проектов новой конституции: сначала в августе 1932 г., затем в июне 1933 г. Тогда вапсы воспользовались ситуацией и предложили свой проект конституционной реформы, который был направлен на фундаментальное переустройство существующих государственных и политических институтов.

Право на это им давали § 87–89 той самой Конституции, которую они предлагали изменить [Основной закон, с. 113]. В третий раз в течение года народу Эстонии предстояло дать ответ на вопрос о пересмотре Основного закона. Непосредственная инициатива рассмотрения проекта исходила от влиятельных членов Союза участников Освободительной войны – полковника Александра Сеймана (Aleksander Seiman; 1886–1941), капитана Леопольда Тынсона (Leopold Tõnson; 1874–1935), капитана Теодора Рыука (Theodor Rõuk; 1891–1940) и уже упоминавшегося А. Сирка. Проект был представлен в Рийгикогу и вынесен на всеобщее обсуждение путем опубликования в печати [Eesti Vabariigi, lk. 2721–2724]. Речь шла не о полном переписывании Основного закона, а о внесении в него радикальных изменений (преамбула, §§ 29, 36, 39, 41–44, 51, 53–55, 57–67, 69–70, 75–76, 80–82, 86). Вокруг проекта разгорелись оживленные дискуссии, не остался в стороне от которых и профессор Д.Д. Гримм. За перипетиями эстонской политики следили и представители русского национального меньшинства, и по ту сторону границы – в Советском Союзе. Как установил А.И. Рупасов, внутривнутриполитическая борьба 1932–1933 гг. вокруг новой конституции привлекла внимание советских дипломатов в прибалтийской республике. В конце ноября 1932 г. полпред Федор Федорович Раскольников (1892–1939) встретился с представителем эстонских деловых кругов Иоакимом Пухком (Joakim Puhk; 1888–1942), который откровенно заявил ему, что страна находится на пути к диктатуре [Рупасов 2016, с. 133].

Выявленные на сегодняшний день документы не дают возможности понять непосредственное отношение Д.Д. Гримма к движению ветеранов Освободительной войны. Однако известное неприятие профессором на протяжении всей жизни любых проявлений радикализма – как левого, так и правого – дает уверенное основание полагать, что идеология вапсов была ему чужда. Предложенный проект изменения действующей конституции вызвал у него резкое неприятие. Свою позицию он пытался донести во время публичных выступлений на различных собраниях, а также в периодической печати.

Летом 1933 г. в двух номерах журнала «Право» (Õigus) была опубликована его пространная статья, посвященная разбору проекта новой конституции [Grimm 1933, № 7, lk. 311–326; Grimm 1933, № 8, lk. 337–347]. Площадка для выражения своего мнения была выбрана не случайно. Этот журнал был первым специализированным юридическим изданием на эстонском языке, а потому более авторитетной печатной трибуны просто не существовало. Неизвестно, правда, кто был переводчиком русского оригинала статьи на эстонский язык, ибо профессор им не владел (равно как доподлинно неизвестно, кто переводил для него проект изменений в конституцию с эстонского на

русский)¹. Обратим внимание и на тот факт, что параллельно краткое изложение идей появилось в русскоязычной газете «Таллиннский русский голос» [Гримм 1933, с. 3]. Все это говорит о намерении Д.Д. Гримма представить свою точку зрения как эстонцам, так и русскому национальному меньшинству.

Профессор проделал тщательный постатейный разбор проекта, вычленив его отличительные черты и обозначив конкретные последствия от их введения в жизнь. С точки зрения Д.Д. Гримма, предложенный Союзом участников Освободительной войны проект означал полный отказ от народовластия в пользу авторитарных начал, не связанных никакими правовыми гарантиями. Отличительной чертой новой конституции должно было стать усиление центральной власти и ее персонификация. Реальным главой страны становился государственный старейшина, он объявлялся носителем высшей власти, осуществляя ее как представитель народа (§ 57). Согласно § 58, он должен был избираться всенародным прямым и тайным голосованием на пять лет. Истинный смысл данного пункта понятен – вапсы мыслили своего кандидата на высший государственный пост. Д.Д. Гримм обратил внимание, что номинально проект сохранял разделение властей, «и все дело как будто сводится исключительно к некоторой реорганизации, к некоторому переустройству органов исполнительной власти или власти управления путем создания новой постоянной должности Главы государства с самостоятельным кругом деятельности, с самостоятельными полномочиями, причем единственной целью этого переустройства является сообщение исполнительной власти необходимой доли независимости в отношении власти законодательной в лице Государственного Собрания» [Гримм 1933, с. 3]. Иными словами, новый проект должен упрочить принцип разделения властей, а отнюдь не поколебать его. Однако Д.Д. Гримм видит в нем лишь декларативные формы и предостерегает, что сокровенный смысл совсем иной.

Профессора явно пугала концентрация власти в руках одного человека и снижение роли парламента. Ему казалось, что законодательная власть сведется на практике к простой декорации. Признаки этого он видел в предложенном сокращении числа депутатов Рийгикогу до 50 членов. По мысли профессора, это приведет к потере меньшинствами возможности защищать свои интересы в парламенте. Здесь укажем, что русское население составляло около 70%

1. По-видимому, переводами работ Д.Д. Гримма занимался его постоянный ассистент на экзаменах с эстонскими студентами доцент Э. Эйн. Он защитил докторскую диссертацию по римскому праву в 1932 г., через два года стал экстраординарным профессором римского права, в 1937 г. после ухода Д.Д. Гримма получил звание ординарного профессора. В 1933 г. был министром внутренних дел и юстиции, в 1935–1937 гг. – декан юридического факультета Тартуского университета. Эмигрировал в 1944 г., с 1950 г. жил в США.

общей численности национальных меньшинств в республике. Их доля в общей численности населения на всем протяжении межвоенного периода практически не менялась и равнялась приблизительно 8,23% [Никифоров 2017, с. 157; Шор 2010, с. 253]. Сокращение числа членов парламента, с точки зрения Д.Д. Гримма, затруднит создание подготовительных комитетов для составления проектов законов. Профессор доказывал, что недостаточный или мало-квалифицированный личный состав парламента незамедлительно отразится на качестве работы комиссий [Grimm 1933, N 7, lk. 312–313]. Кроме того, чем меньше число депутатов, тем на практике легче оказывать давление на них. Д.Д. Гримм полагал, что в силу § 46 действующей Конституции Рийгикогу правомочно принимать решения, если на заседании присутствует не менее половины членов. В случае реализации проекта речь будет идти уже о 25 депутатах. Тогда получение большинства голосов будет возможно при голосовании всего 13 присутствующих. Таким образом, намечалась тенденция ловкого манипулирования парламентом под видом сохранения демократических норм.

Д.Д. Гримм считал, что широкие права государственного старейшины порождают высокую степень зависимости от него парламента. Так, сессия Рийгикогу, ежегодно открывающаяся в первый понедельник октября, согласно проекту, будет продолжаться не более шести месяцев, причем старейшина имеет право закрыть ее раньше, если того потребуют соображения государственного характера (§ 41). Внеочередные сессии могут быть созваны лишь по письменному требованию главы государства или половины членов Рийгикогу, но срок их длительности определяется только старейшиной. Глава государства имеет право роспуска парламента, при этом новые выборы должны быть проведены не позднее, чем в течение шести месяцев. Данное право не обставлено никакими ограничениями, ибо старейшина действует исключительно из соображений «государственного характера». Д.Д. Гримма явно пугает, как старейшина будет использовать свои столь широкие полномочия, не будет ли это угрозой для нормальной деятельности Рийгикогу в любой потенциальной конфликтной ситуации [Grimm 1933, N 7, lk. 314].

Сохраняя стройную юридическую логику суждений, профессор предельно критичен в своих оценках. Он настаивает, что составители законопроекта считают Рийгикогу инородным телом в новом государственном здании. Их цель исходит из того, что по тактическим причинам нецелесообразно ликвидировать Рийгикогу, нужно лишь урезать, насколько это возможно, его власть и поставить его в зависимую ситуацию, сделать послушным инструментом в руках государственного старейшины, который станет воплощением законности и справедливости [Grimm 1933, N 7, lk. 316]. Для Д.Д. Гримма казалась неприемлемой практика отлагательного вето, при которой старейшина обладал правом по соображениям «государственного характера» не

публиковать принятых законов и возвращать их Рийгикогу для повторного рассмотрения с указанием тех пунктов, с которыми он не согласен. Запрет на опубликование законов должен действовать до того момента, пока не будет достигнуто соглашение между главой государства и парламентом. Исключение распространяется лишь на законы и акты, которые, согласно § 34 действующего Основного закона («Установление бюджета, заключение займов, налоговое законодательство, объявление войны и заключение мира, введение и снятие военного положения, приказы о мобилизации и демобилизации, так же как договоры с иностранными государствами не подлежат референдуму и не могут быть предлагаемы на разрешение в порядке народной инициативы» [Основной закон, с. 113]), не подлежат народному голосованию, а находятся лишь в ведении парламента. Однако и в этом случае, по словам Д.Д. Гримма, для главы государства есть лазейка: он имеет право оставить такие акты неопубликованными до тех пор, пока они не будут приняты парламентом с предложенными изменениями или пока парламент после очередных выборов не примет тот же закон. Профессор опасается, что в случае возврата закона, который требует неотложного принятия, Рийгикогу будет вынужден принять закон в том виде, в каком он есть. Глава государства же имеет право отложить вопрос до следующих выборов. Д.Д. Гримм резюмирует: «Большую степень давления на законодательное собрание трудно себе представить» [Гримм 1933, с. 3].

Конституционный проект он сравнивает с хорошо знакомым ему Сводом основных государственных законов Российской империи 1906 г. – и явно в пользу последнего. Д.Д. Гримм критично относился к дореволюционным порядкам, но теперь констатировал, что даже они выглядят демократичнее и юридически логичнее тех, что навязывают вапсы. Действительно § 87 Российского Основного закона гласил: «Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главноуправляющим отдельную часть не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет» [Государственная дума, с. 144]. В эстонском проекте глава государства мог издавать указы, имеющие силу закона, в любое время, даже во время сессии Рийгикогу, если в том ему виделась насущная потребность для страны. Проект вообще не упоминал о праве законодательной

инициативы со стороны парламента. Очерчивая грядущие стеснения деятельности Рийгикогу, Д.Д. Гримм подмечал, что тот будет ограничен в деле выработки собственного наказа, т.е. регламента работы. Действительно если прежде § 44 Конституции давал право парламенту самому вырабатывать свой наказ («Рийгикогу издает свой наказ, который публикуется как закон» [Основной, с. 113]), то теперь наказ Рийгикогу должен публиковаться в виде закона. Но так как обнародование законов является прерогативой государственного старейшины, то на практике может оказаться, что в отношении выработки наказа старейшина воспользуется правом вето.

Итак, главный посыл Д.Д. Гримма направлен против всевластия государственного старейшины. В этой позиции нет ничего удивительного, если обратиться к биографии Д.Д. Гримма, который еще до революции выступал активным борцом с произволом. Ему видится, что единственная задача составителей заключается в том, «чтобы сделать печать личного режима всемогущего государственного старейшины настолько чистой, насколько это возможно» [Grimm 1933, N 7, lk. 325]. Вместо разделения властей воцаряется всевластие одного человека. Резко критикуя предложенный проект и высказываясь против придания особых полномочий государственному старейшине, Д.Д. Гримм все же вряд ли подразумевал какую-то конкретную персону из эстонской политической жизни. Ему претил сам принцип неограниченной власти. Согласно логике профессора, нельзя быть уверенным в том, что на посту старейшины окажется человек, полный благородных намерений. Когда власть не сдерживается ни парламентом, ни правительством, ни судом, безграничные полномочия ведут к большой опасности. Центральной фигурой и единственным решающим фактором становится один человек, чья власть не ограничивается реальными гарантиями законности [Grimm 1933, N 7, lk. 325–326; Grimm 1933, N 8, lk. 344–345].

Д.Д. Гримм делает вывод, что государственное здание, созданное предложенным проектом, ни в коей мере не будет являться демократическим. Конституция, о которой мечтают вапсы, полностью отвергает все основы современного правового государства и уничтожает все реальные средства обеспечения и соблюдения законности: «Надо твердо помнить: свобода, которая не гарантируется реальными обязательствами – это не свобода, а прикрытое рабство. Где можно найти такие гарантии в этом проекте? Их нет совсем» [Grimm 1933, N 8, lk. 347]. Д.Д. Гримм предостерегает от принятия проекта на референдуме, который грозит покончить с подлинным народным представительством, дарованным Конституцией 1920 г. Вместе с ним не будет гарантий неприкосновенности и основных гражданских прав, например свободы вероисповедания, слова, мнения, выбора профессии, а также возможности для национальных меньшинств на создание автономных объединений для своих социальных и культурных нужд. Потому, размышляя о поли-

тическом строе, который лелеют в мечтах вапсы, Д.Д. Гримм задавался вопросом: «Является ли этот режим достойным свободной нации?» [Grimm 1933, N 8, lk. 347].

Днем 22 сентября 1933 г. в Тарту состоялось собрание Общества юристов, в котором принимал участие и Д.Д. Гримм. Оно было столь бурным, что завершилось лишь к полуночи. Большинство из присутствовавших критиковали поправки к конституции. Д.Д. Гримм публично осудил проект, сочтя его неприемлемым как с правовой точки зрения, так и с позиций общественного спокойствия. Он вновь указал, что в случае его утверждения на референдуме, глава государства будет облечен почти неограниченной властью. Возможности вмешательства государственного старейшины в законодательный процесс более велики, чем у российского правительства в недавнем прошлом. Таким образом, принятие новой конституции будет означать конец демократического государства. Выступавший государственный судья Антон Палвадре (Anton Palvadre; 1886–1942), некогда один из лидеров Социал-демократической рабочей партии Эстонии, поддержал русского коллегу, заметив, что изменения в конституцию, конечно, необходимы, но проект вапсов может иметь непредсказуемые последствия. Государственный старейшина может завести страну в тупик, однако правовых оснований для привлечения его к ответственности не будет [Vabadussõjalaste eelnõu, lk. 2].

Публикации профессором статей в русской и эстонской печати вкупе с публичными выступлениями вызвали недовольство вапсов. Газета Союза участников Освободительной войны разразилась злопыхательствами в адрес Д.Д. Гримма, иронизируя по поводу того, что выходец из монархической России вдруг стал защитником эстонской демократии, да еще и обрел поклонников среди местных социалистов. Автор статьи упрекал профессора в неправильном толковании положений конституционного проекта, с иронией указывая на незнание им эстонского языка. Подводя черту под своей позицией, он заявлял: «Я не знаю, насколько велик эстонский патриотизм профессора Гримма, но могу заверить Вас, что люди, разработавшие конституцию борцов за свободу, жертвовали своими жизнями за Отечество и готовы делать это всякий раз...» [Grau 1933, lk. 4]. Свою пламенную тираду он закончил утверждением, что Д.Д. Гримм не имеет ни юридического, ни какого-либо другого права публично критиковать и осуждать предложенный проект.

В то же время такие персоны как Якоб Пусс (Jakob Puss), деятель местного самоуправления в Ляэнемаа (Läänemaа), поддержал в печати позицию Д.Д. Гримма. Прибегая к библейским примерам, он говорил о том, что абсолютная власть не приносит добра. Свою статью он завершал словами, что если во главе страны окажутся вапсы, то он, вероятно, окажется в концлагере. Но даже осознание этого факта не заставит его молчать. Вот почему он при-

зывал всех, кому дорога демократия, прийти на референдум и проголосовать против проекта конституции [Puss 1933, lk. 2].

Горячие дискуссии в прессе вокруг позиции профессора Д.Д. Гримма не утихали. Накануне референдума, 14 октября 1933 г., газета «Голос земли» (Maа Nääl) обратилась с вопросом о нем к виднейшим представителям политических и общественных кругов, сторонникам разных взглядов (Й. Лайдонер, А. Сирк, А. Рей, К. Пятс, А. Хеллат, А. Пийп, Й. Питка и др.). Был среди них и профессор Д.Д. Гримм, который снова предостерег от поддержания проекта, вновь заявив, что глава государства от вапсов может воспользоваться доверенной ему властью как диктатор [Kas poolt või vastu, lk. 1]. Одновременно «Ежедневная газета» (Päevaleht) под рубрикой «Мысли перед референдумом» поместила краткое изложение позиции издания «Эхо» (Kaia) – рупора консервативного Крестьянского союза (Põllumeeste Kogud). Здесь точка зрения профессора была подвергнута яростной критике. Его обвинили в том, что он слишком подозрительно относится к фигуре государственного старейшины и почему-то полагает, что им обязательно окажется человек, заботящийся не о правах людей и интересах государства, а исключительно о своей власти. Безвестный автор редакционной статьи не без злой иронии замечал: «Очевидно в душе русских сохраняется верноподданнический страх перед их “всемогущим царем”, глупый страх, от которого они не смогли освободиться в течение десятилетий» [Mõtteid rahvahääletuse eel, lk. 4]. Он не согласен с Д.Д. Гриммом, что глава государства подомнет под себя парламент. Напротив, наконец-то сформируются два центра силы, напрямую избранные по воле народа. Подверглась критике и точка зрения профессора о недопустимости сокращения числа депутатов Рийгикогу. В качестве доказательства его неправоты был упомянут визит в Таллин группы британских парламентариев, которые в разговорах заметили, что эстонское народное представительство слишком велико, и что можно управиться меньшим числом депутатов. Автор ухватывается за это мнение, веря в его беспристрастность, и замечает, что «надежнее довериться стороннему британскому наблюдателю, чем одному из национального меньшинства, который опасается, что при сокращении числа депутатов Рийгикогу они могут полностью лишиться своего представительства в законодательном собрании. Это вполне простая и по-человечески понятная причина» [Mõtteid rahvahääletuse eel, lk. 4].

Предостережения профессора не услышали. Проект был принят на референдуме 14–16 октября 1933 г. 72,7% голосов «за» и вступил в силу 24 января 1934 г. Победа вапсов была во многом предсказуема, ибо их социальная поддержка стремительно росла. На съезде участников Освободительной войны, прошедшем в Таллинне 17 декабря 1933 г., задачи нового Основного закона страны оценивались следующим образом: «Все-таки новая Конституция нацелена не на то, чтобы упрочить власть партий, а на уничтожение власти

партийной системы» [17 dets. 1933, lk. 2]. Так был брошен серьезный вызов всем существующим политическим силам.

Вапсы рассчитывали провести своего кандидата на пост государственного старейшины и с высокой долей вероятности видели таковым генерал-майора А. Ларка. Что было дальше, хорошо известно, и уже подробно описано в исторической литературе. Во избежание прихода к власти правых 12 марта 1934 г. государственный старейшина Константин Пятс (Konstantin Päts; 1874–1956), заручившись поддержкой генерал-лейтенанта Йохана Лайдонера (Johan Laidoner; 1884–1953), совершил государственный переворот, введя военное положение и объявив вапсов вне закона [Виталь 2017, с. 29–30]. Активные деятели движения были взяты под арест. Намеченные на конец апреля 1934 г. выборы были отложены вплоть до окончания военного положения, а затем вовсе отменены. 28 сентября 1934 г. была созвана внеочередная сессия Рийгикогу, однако уже 2 октября она была прекращена. Парламент не был распущен, но больше не собирался. Депутаты остались без дела, но продолжали получать жалование [Никифоров 2018, с. 185]. Все законы 1935–1936 гг. принимались в форме прямых указов государственного старейшины. Парламент больше не созывался в прежнем составе. Авторитарные методы позволили избежать установления военной, крайне правой диктатуры. Как замечено исследователями, «крах демократии в Эстонии межвоенного периода был отчасти вызван попыткой защитить ее от прихода к власти крайне правых и от угрозы крайне левых. Авторитарное правление, установившееся в стране, было своего рода предупредительной мерой и носило умеренный характер» [Самохина 2013, с. 296]. В новогоднем обращении К. Пятса по радио 31 декабря 1934 г. говорилось, что Эстонии следует дать «такое демократическое учреждение, которое было бы достойно своего народа, как в Англии, где парламент окружен почетом и уважением. Наш будущий Эстонский государственный парламент не должен быть похожим на карикатуру, но на серьезное и достойное представительство, о котором никто не может сказать ничего дурного или смехотворного» [Riigivanema, lk. 2]. В марте 1935 г. политические партии в стране были распущены и заменены партией власти – Отечественным союзом (Isamaaliit).

Однако конституционное строительство на этом не завершилось. Правовая уязвимость Основного закона 1934 г. была очевидна многим, в том числе тем, кто получил власть после переворота. По инициативе К. Пятса принимается решение о разработке новой конституции, которая должна была зафиксировать переустройство государственно-политической системы. Одновременно она должна была способствовать преодолению политического кризиса [Суслов 2012, с. 251]. Важным звеном государственной машины предполагалось сделать двухпалатный парламент, его верхней палатой должен был стать впервые созданный Государственный совет. Такая конструкция могла обес-

печить баланс сил и политических интересов, а заодно упрощала бы контроль за принятием решений.

Осенью 1935 г. министр юстиции обратился к Д.Д. Гримму с предложением принять участие в разработке проекта нового основного закона страны. Известно письмо профессора на имя декана юридического факультета от 23 сентября 1935 г.: «В виду срочного характера этой сложной и ответственной работы, которая поглощает все время, я обращаюсь к юридическому факультету с просьбой освободить меня от ведения объявленных мною необязательных для студентов практических занятий по системе римского права в течение осеннего семестра 1935 г.» [Письмо Д.Д. Гримма декану, l. 112].

Ориентиры будущей конституции были подчеркнуты результатами специального референдума 23–25 февраля 1936 г., на котором была узаконена возможность утверждения основного закона страны и поправок к нему через создаваемый двухпалатный парламент – Национальное собрание (Rahvuskogu), а не путем всенародного волеизъявления. Также было принято решение, что Эстония останется республикой. 9 декабря 1936 г. был создан специальный комитет для завершения работы над текстом новой конституции, в который, помимо уже упоминавшегося А. Палвадре, вошли Йоханнес Клесмент (Johannes Klesment; 1896–1967), Карл Террас (Karl Johannes Terras; 1890–1942), Адо Андеркопп (Ado Anderkopp; 1894–1941), Уго Кукке (Hugo Villi Kukke; 1898–1942) и Эдуард Лааманн (Eduard Laaman; 1881–1941). Этот комитет провел в общей сложности 45 заседаний с 9 декабря 1936 по 29 января 1937 г.

26 января 1937 г. государственный старейшина К. Пятс назначил десять членов Государственного совета (Riiginõukogu), верхней палаты создаваемого Национального собрания (Rahvuskogu). Д.Д. Гримм как представитель русского национального меньшинства вошел в него наряду с такими влиятельными фигурами, как министр иностранных дел Фридрих Акель (Friedrich Akel; 1871–1941), адвокат Михкел Пунг (Mihkel Pung; 1876–1941), мэр Тарту Александр Тыниссон (Aleksander Tõnisson; 1875–1941), судья Яаак Рейхманн (Jaak Reichmann; 1874–1945), глава Банка Эстонии Юри Яксон (Jüri Jaakson; 1870–1942), Э. Лааман и др. [Riigivanem nimetas, lk. 1]. Председателем Государственного совета стал М. Пунг – воспитанник юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

Сложно сказать, от кого именно из эстонских политиков исходила идея о назначении Д.Д. Гримма депутатом. Получив высокое приглашение, он некоторое время колебался, поскольку его смущали преклонный возраст, ограниченная работоспособность, но еще более – незнание эстонского языка. Об этой проблеме он прямо сказал К. Пятсу во время личной аудиенции: «Он был осведомлен об этом моем лингвистическом дефекте, но заявил, что это меня не должно беспокоить, так как проект нового Осн[овного] Закона будет

переведен Госуд[арственной] Канцелярией для меня на русский язык... Что же касается прений, то суть их тоже будут мне переводить по-русски» [Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову, л. 4]. Рассказывая о своем назначении в письме к историку П.А. Остроухову, профессор подчеркивал, что был приглашен в состав Государственного совета не только как юрист, хорошо знакомый с конституционным правом и с действующим Основным законом Эстонии, но и как человек, который десять лет состоял членом Государственного совета Российской империи. Он полагал, что его практический опыт будет востребован, поскольку никто из действующих эстонских депутатов не знает, как на практике работает двухпалатная парламентская система. Не без самоиронии он заключал: «Вот как судьба играет с людьми. Был я в свое время выборным членом Государственного Совета, а здесь стал одним из 10 назначенных членов второй палаты Эстонского парламента» [Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову, л. 4 об.].

С февраля по июнь 1937 г. по понедельникам Д.Д. Гримм выезжал в Таллинн на заседания, а в пятницу возвращался домой в Тарту. Поездки сильно утомляли. По его признанию, у него развилось на почве этого «дрожание ноги и постоянное легкое головокружение» [Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову, л. 4]. Лишь в июне 1937 г. профессор смог переселиться на дачу близ столицы, чтобы облегчить свои передвижения вплоть до окончания работы над новой конституцией. Как и было обещано К. Пятсом, проект был специально переведен для него на русский язык. На заседаниях комиссии и в прениях профессор выступал по-русски, выступления на эстонском пересказывались ему другими депутатами.

Конституция прошла многоступенчатое обсуждение на заседаниях обеих палат парламента. Затем, 28 июля, ее утвердила Генеральная Ассамблея Национального собрания. 17 августа новая конституция была подписана главой государства и вскоре опубликована в официальной печати [Eesti Vabariigi Põhiseadus, lk. 1309–1332]. Она вступила в силу 1 января 1938 г. и фактически действовала до 16 июня 1940 г., когда в Эстонию был введен советский военный контингент. Конституция ограничивала практики прямой демократии. Теперь референдумы могли проводиться только по инициативе главы государства. В верхнюю палату парламента должны были войти чиновники высокого ранга, представители самоуправления, а также лица, прямо назначенные главой государства. Государственный совет имел право отклонять проекты нижней палаты. Таким образом, он получал контроль над законодательной работой. В стране вместо государственного старейшины официально вводилась должность президента, а срок его полномочий увеличивался до шести лет. Идея прямых выборов главы государства также подверглась корректировке. Право выдвижения кандидатур получили лишь обе палаты Национального собрания и советы местного самоуправления. Потому вполне законо-

мерно, что 24 апреля 1938 г. президентом Эстонии был избран К. Пятс. В научной литературе сложившийся политический порядок оценивают по-разному. Одни говорят об авторитарном режиме, другие – о «консервативной диктатуре» [Суслов 2012, с. 251], третьи – об «управляемой демократии» [Никифоров 2018, с. 251]. Но какой бы термин ни был использован, невозможно отрицать, что в Эстонии произошло укрепление вертикали власти.

На первый взгляд, объяснить участие Д.Д. Гримма в разработке новой конституции в 1935–1937 гг. непросто, ведь еще совсем недавно он выступал как энергичный и последовательный поборник демократии и критиковал конституционный проект Союза участников Освободительной войны. Но затем он включился в создание нового Основного закона, который был направлен на централизацию политической жизни. К тому же профессор пошел на сотрудничество с политиками, которые после переворота 1934 г. в значительной мере ограничили свободы в стране, введя, например, цензуру и ликвидировав многопартийность. И все же в его решении нет ничего удивительного. Критика конституционного проекта 1934 г. во многом генерировалась негативным отношением Д.Д. Гримма к идейным установкам Союза участников Освободительной войны. Он не разделял правого радикализма, а потому вапсы ему были явно не по душе. Опасность их прихода к власти заставляла его, равно как и многих эстонских интеллектуалов и политиков, делать выбор в пользу «сильной руки», способной противостоять угрозам правых и левых. Прибавим еще одно важное обстоятельство, метко подмеченное М.В. Самохиной: «Сложность сочетания задач государственного и национального строительства, с одной стороны, и укрепления демократических институтов – с другой, стала особенно очевидной на фоне непростой международной обстановки» [Самохина 2013, с. 296].

Официальное приглашение к участию в написании основного закона страны давало профессору возможность быть не простым наблюдателем, а участником важного историко-правового процесса, приложить свои обширные знания и огромный жизненный опыт. Д.Д. Гримм как поборник законности полагал, что разработкой правовых актов должны заниматься профессиональные юристы, а не популисты. Принятие новой конституции давало бы возможность вернуть страну в правовое русло. К тому же конституция создавала законодательную конструкцию, с которой Гримм был хорошо знаком и принцип которой одобрял. Следует признать, что участие Д.Д. Гримма в политической жизни республики сильно выделялось на общем фоне, ведь русские довольно слабо были представлены в эстонской политике. Такое положение вещей С.Г. Исаков связывал с «пассивностью русских избирателей» и их «разъединенностью» [Исаков 1996, с. 55]. Тем примечательнее вырисовывается личность Д.Д. Гримма, и тем важнее дальнейшее, углубленное изучение его общественно-политической деятельности за рубежом.

Библиография

- Валге Я. Содействовала ли Москва государственному перевороту в Эстонии 1934 года // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 92–114.
- Виталь В.А. Иван Яковлевич Лайдонер // Вопросы истории. 2017. № 12. С. 25–35.
- Государственная дума в России в документах и материалах. М.: Госюриздат, 1957. 646 с.
- Гримм Д.Д. Воспоминания: Из жизни Государственного совета. 1907–1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.
- Гримм Д.Д. Новый проект изменения Основного Закона Эстонской Республики: Судьба Гос[ударственного] Собрания // Таллинский русский голос. 1933. № 39. 5 августа. С. 3.
- Исаков С.Г. Русские в Эстонии. 1918–1940. Историко-культурные очерки. Тарту: Компу, 1996. 398 с.
- Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и барон М.А. Таубе: два взгляда на академические свободы // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, 2015. С. 73–109.
- Ковалев М.В., Мирзеханов В.С. Давид Давидович Гримм // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19–33.
- Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183.
- Копия письма ректора университета Д.Д. Гримму, б. д. // Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. 19 p.
- Никифоров И.В. История русского национального меньшинства в Эстонии до 1945 г.: опыт историографии // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2017. № 2 (9). С. 154–170.
- Никифоров И.В. Впервые о первом президенте Эстонии // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2018. № 1 (12). С. 177–178.
- Николаев А.Б. Д.Д. Гримм – комиссар Временного комитета Государственной Думы // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 142–147.
- Основной закон Эстонской Республики (принят 15 июня и обнародован 9 августа 1920 г.) // Дурденевский В.Н. Послевоенные конституции Запада. Л.: Государственное издательство, 1924. С. 108–116.
- Письмо Д.Д. Гримма в правление Тартуского университета от 23 июля 1920 г. // Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 6.
- Письмо Д.Д. Гримма декану юридического факультета от 4 февраля 1927 г. // Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 12.
- Письмо Д.Д. Гримма декану юридического факультета от 23 сентября 1935 г. // Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 112.
- Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову из Тарту от 9 июля 1932 г. // ГАРФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 2–2 об.
- Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову из Тарту от 19 июня 1937 г. // ГАРФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 3–4 об.
- Письмо ректора Тартуского университета к Д.Д. Гримму от 8 июля 1920 г. // Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 3 а–4.
- Рупасов А.И. Советско-эстонские отношения в период мирового экономического кризиса // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 103–139.
- Самохина М.В. Формирование политического режима межвоенной Эстонии // Политическая наука. 2013. № 3. С. 288–298.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Сулов Е.В. Институциональный дизайн как фактор институционализации политических конфликтов (на примере Эстонской Республики) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 1. С. 246–253.

Томсинов В.А. Давид Давидович Grimm (1864–1941) // Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. Т. 2. М.: Зерцало, 2007. С. 222–252.

Шор Т.К. Русские юристы в Тартуском университете (1919–1940) // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. С. 185–186.

Шор Т.К. Парадоксы культурной автономии национальных меньшинств в Эстонии между двумя мировыми войнами // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 5. Таллинн, 2010. С. 245–266.

Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронежцев А.В. Давид Давидович Grimm и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, 2015. С. 72–92.

17 dets. 1933. a. Tallinnas ärapeetud Vabadussõjalaste Kongressilt – Eesti rahvale // Võitlus: Vabadussõjalaste häälekandja. 1934. 2 jaanuaril. N 1 (172). Lk. 2.

Eesti Vabariigi põhiseaduse muutmise seaduse eelnõu // Riigi Teataja Lisa. 1932. 9 detsembril. N 97. Lk. 2721–2724.

Eesti Vabariigi Põhiseadus // Riigi Teataja. 1937. 3 septembril. N 71. Lk. 1309–1332.

Ein E. Prof. D.D. Grimmi elukäik ja teaduslik tegevus // Õigus: juriidiline ajakiri. 1934. T. XV N 6. Lk. 283–288.

Grau K. Tõelolude kaitseska. Vastuseks prof. Grimmi väidetele // Võitlus: Eesti Vabadussõjalaste Keskliidu häälekandja. 1933. 10 oktoobril. 92 (137). Lk. 4.

Grimm D.D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse eelnõu // Õigus. 1933. T. XIV. N 7. Lk. 311–326.

Grimm D.D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse eelnõu // Õigus. 1933. T. XIV. N 8. Lk. 337–347.

Härrale Kohtu – ja Siseministrile – Kodakondsuseta David Davidi p. Grimmi, 7.2.1931 a. // Rahvusrhiiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375. L. 1.

Järvelaid P. Eesti õigusteaduse ja õigushariduse ajalugu. Tallinn: Argo, 2015. 268 lk.

Juristid austasid lahkuvat professorit. D. Grimmi elukäigust ja teaduslikust tööst // Postimees. 1934. 29 aprillil. N 115. Lk. 5.

Kas poolt või vastu? // Maa Hääl: maarahva ajaleht. 1933. 14 oktoobril. N 121 (137). Lk. 1.

Kohtu – ja siseministerium, Administratiiv-osakond – Politseikomissar Tartus, 21.03.1931 a. // Rahvusrhiiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375. L. 10.

Leps A. Juristiharidusega riigimehed // Haridus. 2008. N 5–6. Lk. 31–33.

Mõtteid rahvahääletuse eel // Päevaleht. 1933. 14 oktoobril. N 239. Lk. 4.

Puss J. Teelahkmed // Lääne Teataja. 1933. 11 oktoobril. N 30. Lk. 2.

Riigivanem nimetas 10 rahvuskogu liiget // Maa Hääl: maarahva ajaleht. 1937. 27 jaanuaril. N 11 (635). Lk. 1.

Riigivanema kõne uue-aasta ööl // Pärnumaa Teataja. 1935. 3 jaanuar. N 1. Lk. 2.

Vabadussõjalaste eelnõu juristide valgustusel // Sakala. 1933. 26 sept. N 109 (148). Lk. 2.

References

Copy of the letter of the Chancellor of the University to D.D. Grimm, without date. Rahvusrhiiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. 19 p. (In Russ.)

Eesti Vabariigi Põhiseadus. Riigi Teataja. 1937. 3 septembril. No. 71. Lk. 1309–1332.

- Eesti Vabariigi põhiseaduse muutmise seaduse-elnõu. Riigi Teataja Lisa. 1932. 9 detsembril. No. 97. Lk. 2721–2724.
- Ein E. Prof. D.D. Grimm elukäik ja teaduslik tegevus. Õigus: juriidiline ajakiri. 1934. T. XV No. 6. Lk. 283–288.
- Grau K. Tõeluse kaitseska. Vastuseks prof. Grimm väidetele. Võitlus: Eesti Vabadussõjalaste Keskliidu häälkandja. 1933. 10 oktoobril. 92 (137). Lk. 4.
- Grimm D.D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse elnõu. Õigus. 1933. T. XIV. No. 7. Lk. 311–326.
- Grimm D.D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse elnõu. Õigus. 1933. T. XIV. No. 8. Lk. 337–347.
- Grimm D.D. Memories: From the life of the State Council. 1907–1917. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 272 p. (In Russ.)
- Grimm D.D. New draft amendment to the Fundamental Law of the Republic of Estonia: A Fate of the State Council. Tallinn Russian Voice. 1933. No. 39. August 5. P. 3. (In Russ.)
- Härrale Kohtu – ja Siseministrile – Kodakondsuseta David Davidi p. Grimm, 7.2.1931 a. Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375. L. 1.
- Isakov S.G. Russians in Estonia. 1918–1940. Historical and Cultural essays. Tartu: Compu, 1996. 398 p. (In Russ.)
- Järvelaid P. Eesti õigusteaduse ja õigushariduse ajalugu. Tallinn: Argo, 2015. 268 lk.
- Juristid austasid lahkuvat professorit. D. Grimm elukäigust ja teaduslikust tööst. Postimees. 1934. 29 aprillil. No. 115. Lk. 5.
- Kas poolt või vastu? Maa Hääl: maarahva ajaleht. 1933. 14 oktoobril. No. 121 (137). Lk. 1.
- Kohtu – ja siseministeerium, Administratiiv-osakond – Politseikomissar Tartus, 21.03.1931 a. Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375. L. 10.
- Kovalev M.V. Professor D.D. Grimm and Baron M.A. Taube: Two Views on Academic Freedom. Historical memory and strategies of Russian-German intercultural dialogue. Saratov: Yu.A. Gagarin Saratov State Technical University, 2015. P. 73–109. (In Russ.)
- Kovalev M.V. Professor D.D. Grimm and the struggle for academic freedom in Russia at the beginning of the twentieth century. Russian History. 2016. No. 5. P. 174–183. (In Russ.)
- Kovalev M.V., Mirzekhanov V.S. David Davidovich Grimm. Questions of History. 2016. No. 1. P. 19–33. (In Russ.)
- Leps A. Juristiharidusega riigimehed. Haridus. 2008. No. 5–6. Lk. 31–33.
- Letter from D.D. Grimm to P.A. Ostroukhov from Tartu on June 19, 1937. State Archive of Russian Federation. F. 9586. Op. 1. D. 171. L. 3–4 vol. (In Russ.)
- Letter from D.D. Grimm to P.A. Ostroukhov from Tartu on July 9, 1932. State Archive of Russian Federation. F. 9586. Op. 1. D. 171. L. 2–2 vol. (In Russ.)
- Letter from D.D. Grimm to the Administration of the University of Tartu July 23, 1920. Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 6. (In Russ.)
- Letter from D.D. Grimm to the Dean of the Law Faculty on February 4, 1927. Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 12. (In Russ.)
- Letter from D.D. Grimm to the Dean of the Law Faculty on September 23, 1935. Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 112. (In Russ.)
- Letter from the Chancellor of the University of Tartu to D.D. Grimm on July 8, 1920. Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 3 a–4. (In Russ.)
- Mõtteid rahvahääletuse eel. Päevaleht. 1933. 14 oktoobril. No. 239. Lk. 4.
- Nikiforov I.V. For the first time about the first president of Estonia. Journal of Russian and East European Studies. 2018. No. 1 (12). P. 177–178. (In Russ.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

- Nikiforov I.V. The history of the Russian national minority in Estonia until 1945: the experience of historiography. *Journal of Russian and East European Studies*. 2017. No. 2 (9). P. 154–170. (In Russ.)
- Nikolaev A.B. D.D. Grimm – Commissioner of the Provisional Committee of the State Duma. *Questions of History*. 2005. No. 7. P. 142–147. (In Russ.)
- Puss J. Teelahkmel. *Lääne Teataja*. 1933. 11 oktoobril. No. 30. Lk. 2.
- Riigivanem nimetas 10 rahvuskogu liiget. *Maa Hääl: maarahva ajaleht*. 1937. 27 jaanuaril. No. 11 (635). Lk. 1.
- Riigivanema kõne uue-aasta ööl. *Pärnumaa Teataja*. 1935. 3 jaanuar. No. 1. Lk. 2.
- Rupasov A.I. Soviet-Estonian relations during the global economic crisis. *Petersburg Historical Journal*. 2016. No. 3. P. 103–139. (In Russ.)
- Samokhina M.V. The formation of the political regime of interwar Estonia. *Political Science*. 2013. No. 3. P. 288–298. (In Russ.)
- 17 dets. 1933. a. Tallinnas ärapeetud Vabadussõjalaste Kongressilt – Eesti rahvale. Võitlus: Vabadussõjalaste häälekandja. 1934. 2 jaanuaril. No. 1 (172). Lk. 2.
- Shor T.K. Paradoxes of cultural autonomy of national minorities in Estonia between the two world wars. *Transactions of Russian Research Center in Estonia*. Vol. 5. Tallinn, 2010. P. 245–266. (In Russ.)
- Shor T.K. Russian lawyers at the University of Tartu (1919–1940). Russians in Estonia on the threshold of the 21st century: past, present, future. Tallinn: Russian Research Center in Estonia, 2000. P. 185–186. (In Russ.)
- Shor T.K., Kovalev M.V., Voronezhstev A.V. David Davidovich Grimm and his memories. Historical memory and strategies of Russian-German intercultural dialogue. Saratov: Yu.A. Gagarin Saratov State Technical University named after, 2015. P. 72–92. (In Russ.)
- Suslov E.V. Institutional design as a factor in the institutionalization of political conflicts (on the example of the Republic of Estonia). *Transactions of Kazan University. Humanitarian sciences*. 2012. Vol. 154. No. 1. P. 246–253. (In Russ.)
- The Fundamental Law of the Republic of Estonia (adopted on June 15 and published on August 9, 1920). Durdenevsky V.N. Post-war constitutions of the West. Leningrad: State Publishing House, 1924. P. 108–116. (In Russ.)
- The State Duma in Russia in documents and materials. Moscow: Goshurizdat, 1957. 664 p. (In Russ.)
- Tomsinov V.A. David Davidovich Grimm (1864–1941). Tomsinov V.A. Russian jurists of the XVIII–XX centuries: Essays on life and works. Vol. 2. Moscow: The Mirror, 2007. P. 222–252. (In Russ.)
- Vabadussõjalaste eelnõu juristide valgustusel. *Sakala*. 1933. 26 sept. No. 109 (148). Lk. 2.
- Valge J. Did Moscow Promote the 1934 Coup in Estonia? *Contemporary History of Russia*. 2013. No. 2. P. 92–114. (In Russ.)
- Vital V.A. Ivan Yakovlevich Laidoner. *Questions of History*. 2017. No. 12. P. 25–35. (In Russ.)